

Джордж Оруэлл, наверно, одним из первых задумался о том, каким мощным оружием может быть язык при формировании индивидуального сознания и при манипуляции сознанием общественным. В его антиутопии «1984» (1948) устойчивость тоталитарного государства обеспечивается не только репрессивными институтами власти, но и разветвленным идеологическим аппаратом. Один из последних Дон Кихотов XX века, Оруэлл знал о тоталитарных режимах не понаслышке и выдвинул концепцию Новояза как надёжного инструмента контроля за сознанием человека и масс. Редукционизм, положенный в основу Новояза, позволял вытеснить из сферы сознания все, что не вписывалось в тоталитарную систему, все слова с абстрактным значением, примитивизировать сознание и заполнить блоками семантически извращенных понятий, чаще всего закодированных в громоздкие аббревиатуры.

Можно ли наблюдения Оруэлла соотнести с принципами языковой политики, утверждавшимися после революции в России? Отчасти можно – сделав понятную поправку на фантасмагоричность картины мира, созданной английским писателем.

Слом парадигмы русского мира, русского сознания сопровождался насильственным вмешательством в сферу языка, его функционирования, о чем свидетельствовала Орфографическая реформа 1917-1918 гг., сразу разделившая русский язык на «старый» и «новый». Неологизмы, аббревиатуры, разрушение речевого этикета, искоренение языковой сферы «бывших» повлекли за собой коренные изменения в функционировании языка. Конечно, русский язык и прежде был многослойным, многостилевым, но новые условия предопределили его специфическое размежевание. Сверху утверждался язык официальной идеологии, его каноны транслировали средства массовой информации, это был язык партийной жизни во всех ее

проявлениях, и он проникал в различные стилевые страты языка, включая научную. Оппозицией ему был язык разговорный, язык семейного обихода, обыденного жизнеустройства. Он расслаивался по границам социальных групп – от простонародья до «прослоек» интеллигенции, был неоднороден и чётко социально маркирован.

Новая ситуация не могла не сказаться на литературном языке, языке художественной литературы. Его многовековые традиции сохраняла как духовную и национальную идентичность «литература в изгнании», ту же миссию выполняли писатели, оказавшиеся в условиях «внутренней эмиграции». Поляризация сил, давление власти, отсутствие сферы деятельности поставили многих на грань вымирания. Спасительным оказалось знание языков – можно было заняться художественным переводом. Сложным был выбор языка для молодых русских авторов – об этом лучше всего расскажет переписка М. Горького. Формировалось и новое явление – советская литература, феномен особого рода. Её определение «советская» не предполагало ли существование некоего «советского» языка? Её называли многонациональной – но большинство писателей были билингвами, обладали тем, что ныне именуют «гибридным сознанием». Опыт в культурном плане интереснейший – до эпохи постмодерна, когда занялись изучением мультикультурности в литературе, он уже случился в Советском Союзе. Но как этот опыт сказался на языке художественной литературы? Что это за этап в истории русского литературного языка? Едва ли эти вопросы получат быстрые ответы – понадобится объективная оценка литературной значимости многих произведений, оценка, которая учла бы работу над ними переводчиков, редакторов, литературных консультантов. Некая искусственность «дружбы народов» в сфере русского литературного языка стала очевидной после распада Советского Союза, когда идеологией дезинтеграции были быстро задействованы программы «дерусификации».